

Литература

1. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Последний Бог. М.: Академический проект, 2014. 846 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 39 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. 2-е изд. 698 с.
4. Михайловский А. В. О некоторых особенностях российской рецепции философии Мартина Хайдеггера // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия: философия, филология. 2017. №1(21). С. 54-71.
5. Погорельская С. В. «Черные тетради», странности философской дискуссии. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. Реферативный журнал. 2018. № 1. С. 170-187.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
7. Фалев Е. В. «Черные тетради» и новый виток суда над Хайдеггером // Философское образование. 2016. № 2(34). С. 35-45.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447с.
9. Хайдеггер М. Размышления II –VI (Черные тетради 1931-1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
10. Heidegger Martin. Gesamtausgabe, Band 94: Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938). Frankfurt am Main: Klostermann, 2014.
11. Heidegger M. Gesamtausgabe, Band 95: Überlegungen VII–XI (Schwarze Hefte 1938/39). Frankfurt am Main: Klostermann, 2014.
12. Heidegger M. Gesamtausgabe, Band 96: Überlegungen XII–XV (Schwarze Hefte 1939–1941). Frankfurt am Main: Klostermann, 2014.
13. Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 97: Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942-1948). Frankfurt am Main: Klostermann, 2015.

Экзистенциальная герменевтика А.А. Ухтомского

Даренский В.Ю., Луганск

д. филос. н., доцент кафедры философии и социологии,
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко

В статье рассмотрен «экзистенциальный поворот» XX века в герменевтике, который сводился к тому, чтобы понять личность как текст, создаваемый ее внутренней свободой. Хайдеггеровский Dasein был универсальным «шифром» такого текста. Путь русской философии состоял не в том, чтобы выстроить ряд новых категорий, а в том, чтобы связать их с базовым жизненным опытом. Обосновывается тезис о том, что русский проект «экзистенциальной герменевтики» альтернативен Хайдеггеровскому и является очень ценным полем для дальнейшего изучения и развития.

Ключевые слова: А.А. Ухтомский, экзистенциальная герменевтика, Событие, Двойник.

V.J. Darenskiy, Lugansk

The existential hermeneutics of the A. Ukhtomsky

The article deals with the “existential turn” of the twentieth century in hermeneutics, which was reduced to understanding the personality as a text created by its inner freedom. Heidegger’s Dasein was a universal “cipher” of such text. The way of Russian philosophy was not to build a number of new categories, but to connect them with the basic life experience. The thesis that the Russian project of “existential hermeneutics” is alternative to Heidegger’s and is a very valuable field for further study and development is substantiated.

Keywords: A.A. Ukhtomsky, an existential hermeneutics, a Source, a Double.

Философская герменевтика в своем историческом происхождении была плодом кризиса классического рационализма и одним из главных путей поиска открытости философии полноте «жизненного мира». Заимствовав из филологии метод анализа жизненного материала, опредмеченного в авторском тексте, герменевтика вдруг вышла на намного более широкий горизонт рефлексии. В рамках такой методики, пользуясь инструментарием критической философии, появилась возможность реконструкции личностных смысловых «миров». Судя по всему, самым важным для понимания метафизических истоков герменевтики Ф. Шлейермахера является его произведение «Речи о религии к образованным людям ее презирующим» (переизданное «Алетейей» в 1994 году со старым предисловием нашего классика С.Л. Франка). Здесь предмет религии истолкован как тот предельный Предмет сознания и понимания как таковых, без которого все остальные автоматически теряют всякий смысл и содержательность. То есть, предметно выходя как «психологическая» апология христианской веры (а С.Л. Франк очень удачно опровергает такое понимание), методологически этот текст оказывался и обоснованием самой герменевтики как *работы с Субъектом*.

При этом одновременно сохранялась и смысловая открытость текстов, воспринимаемых как предмет потенциально бесконечных наших «встречных» интерпретаций, а с другой – вновь вернулась та непредсказуемость внутреннего личностного опыта, которая фактически оказалась редуцированной в рамках Кантовской модели философствования. Здесь были уже и «зародыши» будущего экзистенциализма, а также присутствовала Хайдеггеровская онтологизация герменевтических процедур, в которой предметом истолкования становился не локальный культурный текст, а текст самого человеческого бытия, всегда данный в его уникальной форме. Этот «герменевтический поворот» обычно считается достижением западной философской традиции. Это справедливо, однако не стоит забывать о том, что хронологически в это же самое время тот же самый поворот происходит и русской философии, причем на совершенно оригинальных основа-

ниях, мало связанных с западной традицией. Этот феномен русской «экзистенциальной герменевтики» сейчас интересен не только с исторической точки зрения. Он интересен в первую очередь как один из вариантов ответа на базовое экзистенциальное вопрошание, всегда остающееся подлинным истоком философии, и не только в России

А.А. Ухтомский (1875-1942) – один из тех уникальных случаев, когда в XX веке снова реализовался идеал эпохи Возрождения, не только грезившей об «универсальном человеке» (*uomo universale* – ит., *homo universalis* – лат.), но и обильно создававшей его в реальной жизни. Близким аналогом может быть только личность о. Павла Флоренского, которого давно уже называли «русским Леонардо». Но А. А. Ухтомский не в меньшей степени заслуживает такого же славного культурного имени. В 1941 году А.А. Ухтомский остался в блокадном Ленинграде, он участвовал в организации работы ученых на оборону, руководил важными для военного времени исследованиями по травматическому шоку. Он упорно отказывался покинуть город, хотя все сотрудники уже были эвакуированы. Он был неизлечимо болен раком пищевода и спонтанной гангреной ноги. Но, несмотря на тяжесть блокады и физические страдания, он жил интенсивной умственной жизнью, много работал, заканчивал обработку своих лекций по физиологии нервной системы. В июле 1942 года он написал пятнадцать тезисов к докладу «Система рефлексов в восходящем ряду», который должен был делать в сентябре на сессии, посвященной 93-й годовщине со дня рождения И. П. Павлова. В тезисах он по-новому раскрыл понятия условного и безусловного рефлексов, их эволюцию и значение. Сделать доклад он не смог.³¹ августа 1942 года А.А. Ухтомский умер и был похоронен на Литераторских мостках. На доме, где с 1906 по 1942 жил великий ученый и мыслитель, установлена мемориальная доска. В феврале 1944 года Совет Народных Комиссаров СССР вынес постановление о многотомной публикации его научных трудов, которая и была осуществлена уже после войны.

На протяжении тридцати лет А. А. Ухтомский оставался «широко известным в узких кругах»: был мировым классиком в области физиологии, чье имя вошло в учебники и чьи труды переводились на все мировые языки. Но гуманитариям он был почти неизвестен. Настоящим «прорывом» к его философскому наследию стала публикация его избранных писем ученикам в научно-популярном сборнике «Пути в незнаемое» (М., 1973. С. 371–435). Как вспоминают современники той первой публикации, среди всех по-настоящему мыслящих советских философов она произвела почти эффект «разорвавшейся бомбы». Эти тексты А. А. Ухтомского, написанные в стиле тогда почти никому не известной в СССР русской религиозной философии, ошеломили сочетанием прозрачности и простоты мысли с ее почти бездонной глубиной; пронзительность его рассуждений на фоне привычных тогда книг по «единственно верному учению» была потрясающей. Словно вновь ожил «подпольный человек» Достоевского и продолжил свои головокружительные речи. Впрочем, именно поэтому цитировать А. А. Ухтомского побаивались. Слишком «чужой» и непривычный. Но с огромного – почти на целую страницу – эпиграфа из А. А. Ухтомского

начинает свою знаменитую книгу 1975 года «Мышление как творчество», вскоре ставшую «культовой», В. С. Библер (и только после А. А. Ухтомского там идут эпитафии из Б. Пастернака, М. Бахтина и И. Канта). В том же 1975 году журнал «Природа» (№ 9) публикует ту запись на полях поэмы А. Блока «Возмездие».

Второй «прорыв» произошел уже в 1990-е годы. Сначала книга это была «А.А. Ухтомский в дневниках и письмах» (Изд. СПб. ун-та, 1992), публикации фрагментов его дневников в журналах «Знамя», «Философские науки» и «Человек», и наконец, уже почти полные собрания всех важнейших текстов – «Интуиция совести» (СПб, 1996), «Заслуженный собеседник» (Рыбинск, 1997) и «Доминанта души: Из гуманитарного наследия» (Рыбинск, 2000). Последний из этих сборников состоял из пяти разделов и там, наряду с архивными биографическими материалами, включал в себя прежде не публиковавшиеся научные статьи и фрагменты, касающиеся гуманитарных и философских проблем, письма разных лет, заметки, оставленные академиком на полях книг из личной библиотеки, а также воспоминания об А. А. Ухтомском его друзей, учеников и коллег, представленные в таком объеме впервые.

Работы по физиологии и психологии тоже выборочно переизданы в книге «Доминанта: Статьи разных лет (1887-1939)» (СПб: «Питер», 2002). Не особенно активно, но все-таки началось изучение его философского наследия на академическом уровне. В статье известного психолога профессора В. П. Зинченко «Гипотеза о происхождении учения А. А. Ухтомского о доминанте (журнал «Человек», № 3/2000) была показана соотнесенность концепции доминанты с православленным учением о душе. Кандидатские диссертации С. В. Каликанова «Учение А. А. Ухтомского о доминанте: историко-философский анализ» (2002) и А. В. Политова «Историко-философский анализ концепции хронотопа А. Ухтомского и М. Бахтина» (2016) «встроили» его наследие в контекст мировой философской традиции. Автор этих строк начал, вслед за В. А. Малаховым, внедрение идей А. А. Ухтомского в философское сообщество Украины: в коллективной монографии «Диалог *subspecie ethicae*» (Киев, 2011) помещен написанный мной на украинском языке большой раздел о нем.

А подвижнический труд Игоря Кузмичева по поиску и публикации архивных тестов А. А. Ухтомского недавно успешно завершён публикациями: «Лицо другого человека: Из дневников и переписки» (Санкт Петербург, 2008), «Алексей Ухтомский. Дальнее зрение. Из записных книжек (1896-1941)» (СПб, 2017), «Алексей Ухтомский. Наша прекрасная Александрия. Письма к И. И. Каплан (1922-1924). Письма к Е. И. Бронштейн-Шур (1927-1941). Письма к Ф. Г. Гинзбург (1927-1941)» (СПб, 2017), «Алексей Ухтомский. Правда сердца. Письма к В. А. Платоновой (1906-1942)» (СПб, 2017).

Жизненный и научный подвиг А. А. Ухтомского, как и внутренний, не видимый миру трагизм его жизни – это славный памятник русского духа, явленного в самые трагические годы нашей новейшей истории. И своей мыслью, и самой своей жизнью он следовал тому самому «восходящему ряду» доминант человеческого бытия, о котором не успел сделать последний в своей жизни доклад. Насколько теперь его мысль будет жива в современной русской культуре,

насколько будет образцом для нас универсализм и широта его ума и духа – это может служить критерием подлинности нашего возрождения.

По А. А. Ухтомскому, доминанта – это возникающий очаг возбуждения в нервной системе, создающий готовность организма к определенной деятельности при одновременном торможении других рефлекторных актов. Это временно господствующий рефлекс, который в данный момент подчиняет себе и направляет другие рефлексы и работу нервной системы в целом. При этом раздражения из различных источников уже не вызывают обычных для них реакций, а лишь усиливают деятельность этого доминирующего в данный момент центра. Открыв принцип доминанты впервые на примере кошки и других животных, А. А. Ухтомский затем показал, что и у человека доминанта является физиологической основой внимания и предметного мышления. По А. А. Ухтомскому, доминанта играет роль ключа для объяснения механизма временных связей, открытых И. П. Павловым. При этом доминанта сначала способствует возникновению условного рефлекса, а потом сама становится результатом достаточно укрепившихся условно-рефлекторных связей.

С теорией доминанты тесно связана и концепция интегрального образа мира. По А. А. Ухтомскому, для человека реальностью опыта обладают не отдельные ощущения, как это считалось раньше, а сложные интегральные образы, и при этом всякий интегральный образ является продуктом пережитых доминант. В свою очередь, это привело его к выводу о том, что человек не воспринимает отдельно образы пространственные, и отдельно временные, но в образах время и пространство связаны в единый комплекс, объединенные одной доминантой осмысленного восприятия. Исходя из этого, он объединил два греческих слова: хронос – время, и топос – место, – в понятие хронотоп, то есть временно-пространственный комплекс, который воспринимается как единое целое, связанное единой ситуативной доминантой; и только путем рефлексии и искусственной абстракции мы выделяем из него пространство с тремя измерениями и время, текущее в одном направлении. Хронотоп – это внешняя объективная форма действия доминанты, условие одновременно и свободы, и преемственности жизни: «Предрешенное прежними событиями, но требующее созревания и условий извне, чтобы сейчас открыться в действии и для всех выявиться – вот хронотоп и в бытии и доминанта в нас».

Именно эта идея и была первой идеей А. А. Ухтомского, воспринятой гуманитариями. Другой мыслитель-затворник 1920-х годов – живший в это время в Невеле и Витебске М. М. Бахтин – сразу же начинает использовать понятие хронотопа в своих литературоведческих трудах, которые становятся широко известными только в 1970-х годах (тогда это понятие и вошло в мировую науку). К сожалению, в отличие от доминанты, авторство понятия хронотопа до сих пор часто приписывается М. М. Бахтину.

В 1912 году А. А. Ухтомский стал старостой Единоверческой церкви (ныне это здание Музея Арктики и Антарктики) на улице Марата, где обычно сам вел богослужение. В 1917 году он становится иеромонахом в миру, делегатом Поместного Собора Русской Православной церкви в 1917-1918 гг., активно участ-

вует в совещаниях по воссоединению со старообрядцами. В декабре 1917 года, после участия в Поместном соборе, А. А. Ухтомский уехал в Рыбинск, где прожил в родном доме почти весь 1918 год. Время проводил за чтением религиозной литературы и работой на земельном участке перед домом. В 1919 году дом был национализирован, в 1920-е годы в нем был произведен обыск, часть вещей изъята. Но тайная жизнь А. А. Ухтомского 1920-30-х годов – это не только жизнь монашеская. Это была жизнь тайного мыслителя – словно некое воплощение «подпольного человека» Ф. М. Достоевского, но в иную, несравненно более жестокую эпоху, а главное – в совсем ином смысле этого «подполья». Это не подполье «бунта» и гордыни, но подполье внутреннего света преображения души. Когда вокруг, казалось, вот-вот наступит гибель России христианской, здесь, во внутреннем свете преображения, мысль работала особенно глубоко и отчетливо – и эта мысль усматривала надежду на спасение.

Дневники и переписка А. А. Ухтомского 1920-30-х годов – важнейший пласт русской религиозной философии, который только сейчас начинает понемногу осознаваться во всей его значимости. Стилистически он весьма близок подвижническим «Дневникам» М. Пришвина – и сам А. А. Ухтомский считал М. Пришвина открывателем новых путей в «писательстве». Эти два лучших продолжателя дела В. Розанова, создавшего неподражаемый жанр мыслительствописательства (их близкими аналогами на Западе являются Ален и Э. Чоран) теперь в истории мысли стоят рядом. А. А. Ухтомский создал «философию Двойника и Заслуженного Собеседника», удивительную по сочетанию простоты мысли и глубине ее проникновения в самую сердцевину коллизий человеческого духа. В истории культуры известны случаи, когда художественные творения становились не просто «иллюстрациями» к уже известной философской проблеме, но сами открывали новую философскую проблематику художественными средствами. Подобно тому, как М. М. Бахтин на основе художественных открытий «позднего» Ф. М. Достоевского построил философскую концепцию диалога, А. А. Ухтомский обнаружил философскую ценность темы «двойника» и «двойничества» в его ранних повестях.

В «проблеме двойника» А. А. Ухтомский открыл антропологическую проблему, имеющую два разноуровневых аспекта. Первый из них состоит в обусловленности нашего восприятия мира и всякого другого «Я» двумя противоположными доминантами. Это доминанта на свое «Я», при которой все остальные становятся в моем восприятии моими же двойниками; и доминантой на Другого, при которой он являет мне свое подлинное и насущное для меня Лицо. Сам А. А. Ухтомский пишет об этом так: «Мы воспринимаем лишь то и тех, к чему и к кому подготовлены наши доминанты... Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть, т. е. если наша деятельность и поведение направлены сейчас в другие стороны... Проблема Двойника и тесно связанная с нею проблема Заслуженного собеседника... служат естественным продолжением того, что доминанта является формирователем “интегрального образа” действительности... Пока человек не освободился еще

от своего Двойника, он не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою... завистнику и тайному стяжателю чудятся и в других стяжатели; эгоист именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами. *Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника, и осуждение есть вместе с тем и тайное... самооправдание*» [1, с. 179-183]. Этим первичным экзистенциальным установкам отношения к Другому как к своему иллюзорному Двойнику или же как к своему Собеседнику соответствуют два противоположных способа отношения к Другому: «в первом случае человек домогается равенства тем, что *стаскивает другого с его высоты до своего уровня*, принижает его до себя. В другом случае он домогается того же равенства, но тем, что *усиливается подняться со своего низа до того высшего, в котором видит другого*» [1, с. 170].

Возможность противоположных доминант восприятия, очевидно, не сводится к уровню психологии восприятия или только к сфере моральной культуры. Наоборот, само формирование противоположных доминант в этих сферах является уже следствием этих противоположных экзистенциальных состояний человека, определяющих его отношение к миру. В свою очередь, возможность таких состояний объясняется особой онтологической структурой человеческого существа, которая А. А. Ухтомским прямо не проговаривается, но очевидна в силу его христианского мировоззрения. Речь здесь идет об изначальной расщепленности человеческого существа на свою онтологически высшую часть, выражающуюся в бескорыстной любви к Другому, и низшую – демоническую, выражающуюся в стремлении властвовать над Другим, сделать его своей собственностью. Доминанта на «Я», и, как следствие, феномен «двойничества», «бред самого с собою» вместо обращения к реальному Собеседнику, завистливое «стаскивание другого до своего уровня» и т. д. – все это результат своеобразного паразитирования низшей части человеческого существа на высшей, присваивания ею функций последней. Доминанта на «Я» возможна лишь вследствие отождествления «Я» с Другим, присвоения «Я» себе той любви, которая предназначена Другому. Тем самым, здесь «Я» наивно делает себя иллюзорным «центром вселенной» – и тогда низшая, демоническая часть человеческого существа узурпирует способность к любви, подчиняет ее своему стремлению к господству.

По сути, именно это внутреннее расщепление порождает различные формы «двойничества», из которых Ф. М. Достоевским показаны две наиболее типичные: двойничество «маленького человека», пытающегося таким иллюзорным способом убедить себя в своем достоинстве (именно из этого варианта исходит А. А. Ухтомский); и двойничество «титанической» личности – Ивана Карамазова – наоборот, путем отторжения от себя своего двойника излечивающегося от внутренней гордыни, закрывавшей ему путь ко Христу. Исходящий из Ивана внутренний бес в виде «приличного господина» есть та совокупность предрасудков и привычек «ложной цивилизации», которая, по Ф. М. Достоевскому, внешне «приличным» образом соблазняет человека, взыскующего Истины. На житейском уровне таким же двойником для Ивана был Смердяков, выразивший и делавший то, что у Ивана оставалось на уровне тонких абстракций и бессозна-

тельных мотивов. В то же время Митя и Алеша оказываются Собеседниками Ивана, несущими в себе образ его будущих действий и качеств. Таким образом, диалогическая полифоничность мира Ф. М. Достоевского имеет в себе особое измерение, связанное с отношениями «двойничества-и-собеседничества», со всеми свойственными им законами, коренящимися в онтологических парадоксах человеческого существа. Именно они являются истоком «диалогики» Ф. М. Достоевского. Исходные метафоры-философемы Двойника и Собеседника, принцип «доминанты на другого» как экзистенциальной трансформации личности представляют собой ценные инновации, требующие дальнейшей философской рефлексии.

Стоит, однако, отметить, что сама мысль о гибельном «двойничестве», не позволяющем человеку увидеть подлинное Лицо другого человека, не изобретена А. А. Ухтомским, а является развитием важной библейской мысли, на которую в прежние времена просто не обратили серьезного внимания. Так, св. Павел в послании к Римлянам говорит: «Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что судя другого, делаешь то же» (Римл. 2,1).

А вот в записи А. А. Ухтомского на полях поэмы А. Блока «Возмездие» та же мысль, но вместе с нею – и та бытийная альтернатива «двойничеству» как «возмездию»: «Дурной заранее видит в других дурное и этим самым провоцирует в них в самом деле дурное, роняет их до себя; так мы заражаем друг друга дурным и преграждаем сами себе дорогу к тому, чтобы вырасти до того прекрасного, что в действительности может скрываться в другом. Заражение дурным идет само собою очень легко. Заражение хорошим возможно лишь трудом и работой над собой, когда мы активно не даем себе видеть в других дурное и обращаем внимание только на хорошее. Тут понятна глубокая разница того, понимаю ли я “равенство” другого со мной так, что, мол, ты такая же дрянь, как я, или так, что я могу и хочу быть так же прекрасен, как ты. Первое дается пассивно, само собою, без труда; второе предполагает огромный труд воспитания доминанты на лицо другого. Возмездие же по заслугам в том, что одни видят во всех свое дурное и ведут себя еще дурнее, чем был до сих пор; а другой, заглядывая себе глаза на недостатки людей, побуждает их становиться лучше и сам становится лучше, чем был. Плут и обманщик увидит плута и обманщика и тогда, когда перед ним пройдет Сократ или Христос: он не способен узнать Сократа или Христа и тогда, когда будет лицом к лицу с ними... Проходит мимо сама Красота и Чистота, а люди усматривают грязь, ибо носят грязь в себе. Вот – возмездие!» [2, с. 34].

Но почему именно в XX веке, в его коллизиях, которые одним казались прорывом к «светлому будущему», а другим, наоборот – еще небывалым по катастрофизму падением в «глубины сатанинские» и реками невинной крови – почему именно в этом «хронотопе» вдруг стала столь насыщенной и глубоко переживаемой эта апостольская мысль, на которую не обращали внимание во времена более уютные и благополучные в духовном отношении?

Коллизии в XX века – в своем глубинном нравственном истоке, а не в своих внешних идеологических манифестациях – были обусловлены мотивом обвинения и осуждения Другого. Исток их в том, что «видят во всех свое дурное и ведут себя еще дурнее, чем были до сих пор». Так возникал тот круговорот зла, из которого рождались войны и геноциды этого века. Был забыт тот, другой путь, при котором «заграждая себе глаза на недостатки людей, побуждает становиться лучше и сам становится лучше, чем был». И христианская русская мысль сразу же зорко уловила этот исток кровавых трагедий века, этот безвыходный круг зла, из которого можно выйти вовсе не «победой» на поле боя, а только фундаментальным нравственным усилием.

«Экзистенциальный поворот» в герменевтике в своем истоке сводился к тому, чтобы понять личность как текст, создаваемый ее внутренней свободой. Хайдеггеровский Dasein был универсальным «шифром» такого текста. Русский путь состоял не в том, чтобы выстроить ряд новых категорий (здесь М. Хайдеггер шел по пути Гегеля), а в том, чтобы связать их с базовым жизненным опытом.

Этот русский проект «экзистенциальной герменевтики», альтернативный хайдеггеровскому, является очень ценным полем для дальнейшего изучения и развития. Тексты А.А. Ухтомского только сейчас становятся важным предметом исследования академической мысли. Но на самом деле они являются важной частью большого культурного явления, к которому относятся и «Дневники» М. М. Пришвина, уже ставшие знаменитыми, и наследие Я. С. Друскина, и еще ряда мыслителей XX века. В конечном счете русская экзистенциальная герменевтика будет признана важным компонентом философии XX века.

Литература

1. А.А. Ухтомский в дневниках и письмах. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1992. 226 с.
2. Ухтомский А.А. Запись на полях поэмы А. Блока «Возмездие» // Природа. 1975. № 9. С. 33-37.

Семиотика мига в европейской культуре

Малышев В.Б., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский государственный технический университет

Основная цель настоящего исследования – поиск перспектив совмещения семантики, синтактики и прагматики понимания мгновения в европейской культуре. На основе анализа разнообразных семиотических конструкций трансцендентальные качества изначальных модальностей понимания времени в европейской культуре.